

АРВАРЫ

**Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»**

**представляет
лучшие романы Сергея Алексеева**

СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ. Стоящий у солнца

СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ. Страга Севера

СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ. Земля сияющей власти

СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ. Звездные раны

СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ. Хранитель силы

СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ. Птичий путь

Волчья хватка
Волчья хватка – 2

Аз Бога Ведаю

АРВАРЫ. Родина богов

АРВАРЫ

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

РОДИНА
БОГОВ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А47

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Художник — *Андрей Липав*
Компьютерный дизайн — *Галина Смирнова*

Алексеев, Сергей Трофимович.

А47 Арвары. Родина богов : [роман] / Сергей Алексеев. — Москва :
Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Сокровища Валькирии: луч-
шие романы Сергея Алексеева).

ISBN 978-5-17-091413-5

От своих предков, которые в Былые времена населяли материк Арвар, расколовшийся на острова и ушедший под воду, русы, росы и расы унаследовали тайные знания, силу духа, гордость и любовь к свободе, но утратили дар вечной жизни, нарушив в погоне за удовольствиями волю богов. Князь и Закон русов Сувор желает вернуть северным народам бессмертие, а для этого высватать за своего сына, исполина Космомысла, дочь Вящеславы, последней арварки, возмнившей себя богиней. Однако никто не ведает, где искать прекрасную деву Краснозору. Она скрывается от Перуна — грозный бог тоже вознамерился взять ее в жены...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-091413-5

© Алексеев С.Т.
© ООО «Издательство АСТ», 2015

От автора

Наше прошлое бездонно, как речной омут. И так же непроглядно, если, плавая по поверхности, просто опустить голову. Всякая попытка погружения в его глубины почему-то связана с несколькими и очень сильными чувствами, одно из которых всегда зримо и выделяется особо — страх перед неизвестностью, перед необъяснимостью и даже перед тем чудесным, что поражает воображение и еще больше вызывает страх.

Впервые я испытал его на деревенском кладбище в восьмилетнем возрасте и тем самым сделал себе прививку, как делают ее в детстве, например, от оспы. Произошло это на берегу одной из рек Кировской области — к великому сожалению, не могу точнее указать место, ибо уверен, что туда тотчас нахлынут орды жаждущих сенсаций, археологических редкостей и просто искателей приключений и потревожат покой

не только наших древних предков, но и лично моих, поскольку там похоронено несколько пра- и прапрадедов.

Так вот, в деревне умерла какая-то старушка, и сосед дядя Илья рано утром пошел копать могилу, а его жена собрала ему завтрак и послала меня отнести на кладбище. Когда я прибежал к соседу, он уже закопался по шею, а роста он был высокого, где-то метр девяносто, и теперь выворачивал со дна камни, аккуратно складывая их в пирамиду. Дело в том, что камней в этой деревне, впрочем как и в окрестных, было не найти днем с огнем, а они требовались прежде всего в баню, для каменки, при строительстве, чтоб положить под углы и еще, например, придавливать капусту в кадках. Тяжелые светло-серые валуны добывали только на кладбище, и только когда копали могилы, и то, как кому повезет — говорили, что даже в глубоких ямах иногда оказывалось пусто. Все *знали* или *догадывались*, каким образом попали эти камни в недра кладбищенской земли, но практичный крестьянский разум, воспринимающий мир таким, каков он есть, вполне допускал, что эти валуны можно использовать и по иному назначению.

Дядя Илья был доволен, поскольку выворотил их уже десятка полтора, а один черный, огромный, величиной с трехведерный чугунок и по форме похожий на чугунок, стоял отдельно на высоком старом пне. Пока

сосед завтракал и пил по глоточку из посланного ему шкалика, я рассматривал камни, как большую редкость, а они подсыхали на солнце и становились белесыми. Только тот, на пне, кажется, чернел еще больше, может, потому, что был сильно испачкан сырой землей.

Совершенно бездумно я стал обметать его рукой, и тут суглинистая корка как-то легко отвалилась и я онемел от страха. Дядя Илья, должно быть, заметил и сказал печально:

— Не бойся, это кость, черепь...

Я видел, что́ это, и больше испугался не самого человеческого черепа, а *его размеров*. В каждую глазницу, в глубине еще забитую землей, спокойно бы пролезла моя голова.

И в полный ужас приводили верхние передние зубы (череп был без нижней челюсти), на которых он и стоял, — длиннее спичечного коробка и шириной примерно в два пальца.

Наверное, чтобы как-то меня отвлечь и вывести из оцепенения, а может, вечно грустный дядя Илья просто развеселел от шкалика, — стал показывать мне другие кости, выброшенные им к тому же пню. Он примерял их к себе и говорил:

— Эта отсель, а эта отсель...

Но мне отчетливо запомнились нижняя челюсть (санки, как у нас называли) и, скорее всего, плечевая

кость, которую он приставил к своей ноге, и она была ему до пояса. Кажется, там лежало еще несколько позвонков и ребер: вероятно, копая могилу, дядя Илья наткнулся только на верхнюю часть старого захоронения, потому что больше примерял кости к своей груди.

Еще отпечаталась в голове его фраза, произнесенная без всякого удивления, как будто речь шла о чем-то знакомом и привычном:

— Эдакие дяденьки на свете-от жили, исполины...

Потом я узнал, что гигантские человеческие черепа и кости встречаются довольно часто, когда копают могилы, и есть даже верная примета: если попались, значит под ними обязательно будет площадка из плотно уложенных драгоценных валунов. Камни доставали, а кости потом зарывали тут же, в стенку или дно могилы.

Наверное, я бы в тот час убежал с кладбища, но надо было дожидаться, когда дядя Илья доест и допьет, чтоб забрать узелок с посудой. Я отошел к ближайшей сосне, но отвернуться от черепа не смог, потому что его вид притягивал и завораживал мысли.

Еще запомнилась такая деталь: под землей на черепе, когда я ее случайно скovyрнул, лицевая кость была серо-желтоватого цвета и почернела она на моих глазах, пока я ждал.

Пожалуй, вместе с этим изменившимся на солнце цветом черепа изменилось и мое детское сознание.

Может, просто загорело, а скорее, обуглилось и так же почернело, ибо еще напоминало тонкую лучину, не готовую к восприятию палящего огня. По крайней мере, никогда более я не испытывал подобного страха, смятения, крайнего изумления, восторга или оцепенения, вдруг увидев нечто такое, чего по всем известным законам нет или не может быть никогда.

По стечению обстоятельств или, скорее, по обычаю, кладбище располагалось на самом красивом месте округа — на прибрежном холме среди соснового бора. Много позже я специально ездил туда, чтоб обновить чувства и впечатления, и обнаружил, что холм этот не что иное как древний, сильно оплывший курган: когда-то русло реки, вплотную приблизившись к нему, пощадило захоронение и отмерло само, превратившись в старицу со стоячей водой. Я не проводил там раскопок, потому что достаточно было обожженного мальчишеского осознания, да и кладбище давно замшело и запустилось, так что уж не понять, где старые и новые могилы.

Но именно на этом кургане у меня и родился замысел заглянуть в мир почти что запредельный — мир глубинной русской истории, за горизонт той тысячи лет, который перед нами установлен, как театральный занавес.

Меня часто спрашивают, какими архивами пользуюсь, из каких источников получаю (достаю, добы-

ваю, мою, как моют тяжелую фракцию, чтоб отыскать золото) информацию, когда касаюсь такой глубины времени, и есть ли под ней реальная, документальная основа, которую можно как-то проверить или хотя бы поверить в нее. Отвечу: есть такая основа. Есть неиссякаемый, общедоступный и одновременно самый закрытый и самый древнейший магический источник, прикоснуться к которому мешает все тот же страх.

Это — СЛОВО.

Нам все время твердят лишь о тысячелетней истории, де-мол, а до нее наши предки жили «скотским образом», прозябая во мраке и дикости. Это неоспоримая истина, все остальное — псевдонаука, самодеятельность, профанирование, ну и так далее. Вероятно, все тот же страх заставляет остепененных и умудренных мужей или приспособлявать и притягивать к этой концепции, или не видеть, не замечать того, что ей противоречит.

Но к нашему счастью, существует беспристрастный Свидетель и Хранитель времени — Его Величество Русский Язык, вобравший в себя не только посмертные маски эпох, а и *живую психологию* его древних носителей. Он, как детское воображение, мгновенно реагирует на свет и огонь, и одновременно настолько велик, могуч и не подвержен никаким потрясениям, что не укладывается ни в тысячелетнее,

ни даже в десяти тысячелетнее ложе суждений, представлений и концепций.

Неоспоримо то, что за минувшие десять веков «цивилизации» к нашей речи практически ничего не прибавилось, а напротив, больше утратилось в связи со слишком частой сменой идеологий. Это современная языковая надстройка, которой мы пользуемся сейчас в повседневной жизни, напоминает дикий, «скотий образ», вероятно, соответствующий духовной деградации. И все-таки, оставаясь сами с собой наедине, мы думаем и говорим на том древнейшем языке, в котором уже были заложены все представления о мире и мироздании, все понятия, краски, тона, полутона и самая нежная, тончайшая материя речи — чувства, коим столько же тысячелетий, сколько существует сам язык.

Не случайно наша РЕЧЬ имеет прямую связь с РЕКОЙ, которую можно, например, пустить по новому руслу, перекрыть плотиной или даже повернуть вспять, но ничего не поделать с сутью, то есть с *наполнением*, ибо река питается не только видимыми ручьями и малыми речками, но более всего незримыми, таинственными ключами и родниками. Точно так же они существуют в языке, образуя независимый, не подвластный нашему сознанию *инстинкт самосохранения*, как у всего живого, теплокровного мира.

И самоочищения...

Сергей Алексеев

1

Два ромейских легиона, пришедших из Середины Земли, вспомогательная конница и три центурии наемников стояли парадным строем на берегу весеннего, полноводного Рейна уже четвертый час. От долгого ожидания, а более от студеного полунощного ветра ровные шеренги плотно сомкнулись плечами и сжались между собой, задние ряды всадников спешили и теперь грелись, прижимаясь к лошадям. И казалось, еще не приняв ни одного сражения, тридцатитысячное императорское войско уменьшилось вдвое, и оставшаяся половина настолько продрогла, что утратила бравый вид и боевой дух. Особенно легионеры, привыкшие к теплу жарких стран и экипированные так, будто готовились высадиться на Сицилию, а не на правый берег Рейна. Пытаясь разогнать по жилам стынущую кровь, они то и дело переступали голоколенными но-

гами, размешивая калигулами еще не просохшую липкую глину, топтались на месте галльские наемники и даже лошади, отчего над строем висел бесконечный чавкающий звук.

Легат Анпил, командовавший торжественным построением, стоял на деревянном помосте, приготовленном для императора, и непроизвольно, повинаясь общему ритму, тоже переминался с ноги на ногу. В любой момент он мог бы одним словом навести порядок в строю, но по договору не имел права держать воина в парадной стойке более двух часов, если не было дополнительного соглашения об оплате. Поэтому легат взирал на войско со снисхождением, да и не видел в строгости особой нужды, поскольку высланные для встречи Вария мальчишки-контуберналы не подавали знака. А ветер между тем усиливался и наконец-то пошел ожидаемый с утра холодный дождь со снегом.

Никто не знал, что могло так задержать императора, известного своей обязательностью и бережливостью времени еще с тех пор, когда он был обыкновенным всадником, а потом трибуном и командовал конницей. Поэтому легат кутался в плащ и с тревожным недовольством посматривал в сторону императорских шатров, поставленных на высоком прибрежном холме, прикрытом старыми, корявыми от ветра соснами. Но иногда с радостью пере-

водил взор на близкий речной берег, возле которого стояла приготовленная для него бирема со спущенными сходнями. В трюме, спрятанные от посторонних глаз, находились его жена и три взрослых сына со своими семьями и домашними рабами, с немалым добром, нажитым за время службы в холодной стороне. Если бы в сей час кто-нибудь из его учеников-контуберналов махнул рукой, Анпил задержался бы на помосте не более мгновения — только для того, чтобы подать команду и привести в чувство тридцать тысяч окоченевших воинов. Не успел бы император со свитой спуститься с холма, как сорокавесельная бирема уже бы плыла вниз по течению, унося его из опостылевшей за долгие годы рейнской провинции.

Анпил был лишен права лицезреть императора, и причиной этому была болезненная мнительность Вария.

— Почему ты так на меня смотришь? — спросил однажды только что коронованный император.

— Я смотрю на тебя, как и прежде, — признался Анпил. — Но без подобострастия, как на своего трибуна.

— Но я вижу презрение в твоём взоре!

— Напротив, император, теперь я взираю с почтением!

— И видишь во мне только всадника!

— Да нет же, Варий! — попробовал оправдаться легат. — Я зрю диадему на твоей голове! И признаю тебя августейшим.

— Ты никогда не сможешь смотреть на меня, как на божественную особу, — грозно молвил император. — Ты все время будешь сравнивать меня с тем всадником и трибуном, которого знал. Ты будешь вспоминать, как мы, смиряя италиков, резали их детей и стариков. Как вместе с тобой насильовали одну женщину, как выворачивали карманы убитых, собирая добычу. У тебя перед взором буду я, жрущий, пьющий и справляющий нужду!.. А посему я тебя никогда не подпущу к престолу! И если даже ты случайно окажешься рядом, я запрещаю тебе поднимать взор в моем присутствии.

Легат и ныне не испытывал желания взглянуть на него, однако все более чувствовал, что взор его непроизвольно притягивается к вершине холма. В ставке Вария что-то происходило, поскольку между деревьями иногда мелькали пешие и конные люди из его свиты, куда-то уносились гонцы и несколько раз из шатра появлялся консул Эмилий в своем белом плаще и, похоже, отдавал какие-то распоряжения.

И только к концу четвертого часа ожидания на дощатой дорожке, построенной для божественных ног, появился префект претория Друз и по тому, как приближенный к императорской особе, а потому высоко-